

«ШКОЛЬНИЧКИ»

На тот момент я уже успел шагнуть в шестой класс общеобразовательной школы, что носила номер тысяча сто семьдесят шесть, который и взрослые, и дети, родители и школьники, учителя и директор с завучем называли просто: одиннадцать семьдесят шесть. Всё произошло в кабинете «великого и могучего», как говорили Некрасов и Тургенев, русского языка и литературы. Из обстановки кабинета мне запомнились ряды лакированных столов и стульев, с любовью собранных и оберегаемых завхозом школы от покушений на них учеников; доска тёмно-зелёного цвета, в тонкой металлической раме, с аккуратно сложенными в её кармане тряпочками и мелом; горшки с растениями на подоконниках и на полочках, прикрученных саморезами к стенам помещения; шкафы, сквозь стёкла которых были видны обширные ряды книг, стоящих по стойке «смирно», будто это не книги, а солдатики, ожидающие приказа. Казалось, вот-вот сейчас прозвучит команда некоего абстрактного

книжного генерала: «На защиту русского языка и литературы!» — и эти самые солдатики пойдут сквозь огонь, воду и медные трубы, дабы защитить наше литературное наследие, преподнеся себя в дар сомневающимся в могуществе национальных произведений. А слова, предложения, строфы, строки, абзацы, главы, части и, наконец, произведения, написанные Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, Достоевским, Горьким, Гоголем, будут монументальным аргументом убеждать сомнеющихся в нашей правоте. Дерево шкафов было потёртым и уже изношенным от времени, однако они продолжали исправно служить верой и правдой интересам русской литературы. Недалеко ушла от подобного состояния и хозяйка кабинета — Зинаида Афанасьевна. Преподаватель русского языка и литературы представляла собой ссохшуюся пожилую даму предпенсионного возраста, всё ещё высокую и стройную, но уже начинавшую клониться к земле под тяжестью лет. Всех нас когда-нибудь постигнет эта участь — кого-то раньше, кого-то позже. Все мы, словно тонкие деревья, будем гнуться ветками и стволами, а затем и совсем сляжем в «кормилицу».

Зинаида Афанасьевна — дама консервативных взглядов. За это многие родители класса её не любили, о чём открыто высказывались на школьных собраниях. Их беспокоило то, что учительница могла позволить себе размашисто треснуть по преподавательскому столу, разбив при этом стекло, его покрывающее, в целях успокоения расшалившихся учеников. Или рассказать, как её муж-военный на спор со своими солдатами выяснял, кто больше знает матерных слов. Повествование это было инициировано преподавателем опять же в целях поучения учеников.

А дело было так. Муж Зинаиды Афанасьевны служил в Советской Армии и командовал в описываемые годы одной из рот. Ему не нравилось, что его солдаты при общении употребляют большое количество ненормативной лексики, поэтому однажды он подловил самого главного матерщинника из подчинённых ему солдат и предложил:

— Давай с тобой соревноваться. Засаекаем две минуты и в течение этого времени говорим нецензурные слова. Повторяться нельзя. Останавливаться нельзя. Кто больше

скажет, тот и победил. Если выигрываю я — вы все до конца службы матом не выражаетесь. Если выигрываешь ты — целую неделю живёте свободно, что хотите, то и делаете. Договорились?

— Смотрите, товарищ капитан, как бы исполнять обещание не пришлось,— предостерегающе хмыкнул матерщинник.— Конечно, договорились!

Посмотреть на соревнование собралась вся рота. Первым удивлять народ вышел матерщинник. Засекли две минуты, включили секундомер, и «спортсмен» вышел на дистанцию. Но где-то секунде к тридцатой «забег» не задался. Матерщинник начал повторяться, останавливаться — «моторчик забарахлил».

— Всё, Игорёк, по правилам ты сходишь с дистанции,— объявил независимый судья, выбранный из служивых.— Твоё время — тридцать три секунды. Товарищ капитан, теперь ваша очередь.

А товарищ капитан как вышел на «дистанцию», так все две минуты без перерыва и проговорил.

Рассказанная Зинаидой Афанасьевной история очень быстро долетела до ушей родительского контингента, что послужило оглашению негативных отзывов, слетевших с родительских языков, на ближайшем родительском собрании. Особенно активные мамы и папы просили, чтобы наш класс был передан другой, более молодой, преподавательнице русского языка и литературы — Ирине Викторовне, которая, по их словам, была «более современная» и «более образованная». Естественно, никто наш класс Ирине Викторовне передавать не стал, но отношение у учеников к Зинаиде Афанасьевне подобные разговоры и кривотолки обеспечили определённое.

Мы сидели за столами в классе русского языка и литературы во время одной из перемен. Перед нами на поверхности столов были разложены тетради, учебники, письменные принадлежности. В ожидании начала урока школьники вели неспешный диалог. Мой товарищ Олег — товарищ, скажу вам, весьма сомнительный — проговорил реплику, из которой нам с вами важен лишь следующий отрывок:

—...И тогда моя мама взяла себе одно кофе...

— Один кофе,— осмелился поправить я, перебив одноклассника.

Его левый глаз, слегка косящий в сторону, как у зайчарусака, подёрнулся от подобной наглости, исходившей от меня.

— Ты не прав! — безапелляционным тоном заявил мне мой приятель после секундного замешательства.— Слово «кофе» — среднего рода.

— Нет,— продолжал упорствовать я,— кофе — он мой!

Олег с удовольствием втянулся в спор. Его худые руки восторженно задрожали, откинули в сторону синюю гелевую ручку, что до этого мальчик вертел в руках, а обладатель этих рук заявил:

— Раз ты мне не веришь, пойдём спросим у Наташи!

Наташа — это староста нашего шестого класса. Она отличница, и всё, что вызывает сомнение, Наташа может разрешить вмиг.

— Что у вас случилось? — уже в следующее мгновение на нас из-под кудрявых тёмно-рыжих локонов смотрели с вопросом её большие голубые глаза.

— Наташа! — обратился к девочке Олег.— Скажи ему,— это он проговорил, тыкая в сторону меня всё той же худой рукой,— что он не прав!

— В чём же Коля не прав?

— Колька утверждает, что слово «кофе» — мужского рода! — голосом жалобщика завершил своё обращение мой приятель.

— Коля, ты не прав,— улыбнулась мне Наташа после секундного раздумья,— слово «кофе» — среднего рода.

— Нет,— продолжал упорствовать я,— кофе — он мой!

— Хорошо,— опять улыбнулась девочка,— мальчики, давайте пойдём спросим у учительницы, если вы со мной не согласны.

— Я согласен, это Колька не согласен! — ныл на заднем плане, как ненастроенная скрипка, Олег.

Зинаиды Афанасьевны за преподавательским столом не было. Мы её разыскали в коридоре.

— Зинаида Афанасьевна,— окружили дети учительницу русского языка и литературы.

— Что случилось? — обвела она нас взглядом поверх стёкол очков, сидевших у неё на кончике носа.

— Скажите, пожалуйста,— обратилась к ней староста, продолжая улыбаться, видимо, подбадривая себя,— какого рода слово «кофе»?

— А вы как считаете? — поинтересовалась нашим мнением учительница.

— Коля говорит, что «кофе» — мужского рода.

— Николай совершенно прав,— одобрительно кивнула Зинаида Афанасьевна в мою сторону.— Кофе — он мой!

— Да Зинаида ничего не знает,— уже после говорил Олег Наташе, когда мы поблагодарили учительницу русского языка и литературы за ответ и отошли в сторону.— Я ей не верю, надо к Ирине Викторовне сходить, вот она точно правильно скажет!

— Сходим? — посмотрела на Олега, а затем и на меня староста.

— Не пойду,— отрицательно замотал я головой.— Мне достаточно того, что сказал мой учитель,— окончание фразы было проговорено, подчёркивая слово «мой».

— Конечно,— всё так же причитал Олег, слегка кося на меня глазом,— она сказала то, что ты хотел услышать. А кто до истины будет докапываться?

— Я уже докопался до истины. Хотите — идите.

— Пойдём? — ещё раз вопросительно посмотрела Наташа на Олега.

— Пойдём,— вторил эхом ей мальчик, и они убежали искать Ирину Викторовну.

В ожидании их возвращения я отправился обратно в кабинет, за стол, на котором всё так же были разложены тетради, письменные принадлежности и учебники. В успехе спора сомнений не было, однако по своей натуре я человек, неуверенный в себе, поэтому что-то внутри было неспокойно: «А вдруг не прав?» Хорошо, что ждать долго не пришлось, буквально через полминуты вернулись мои оппоненты. Вид у них был весьма неоднозначный. Глаз Олега

продолжал слегка косить в сторону, а вот руки уже не тряслись возбуждённо — восторг спора угас.

— Что сказала Ирина Викторовна?

— Ничего, — обиженно буркнул себе под нос мой приятель, плюхаясь на стул рядом со мной.

— Коля, ты всё-таки оказался прав, — призналась староста. — Кофе — он мой!

АНЕКДОТ

В одной из множества кофеен Москвы кассиром работает Света. Всё как положено: длинный тёмно-коричневый фартук, уходящий куда-то вниз под стойку, за которой она находится весь рабочий день; на фартуке обязательно слоган, как будто бы из мультфильма про поросянку Фунтика: «Лучший кофе на дороге! Отхлебнёшь — протянешь ноги!»; фирменная кепка, надвинутая на лоб, из-под чуть овально согнутого козырька которой на вас устремлён прямой смелый взгляд карих глаз; каштановые волосы собраны в аккуратный хвост и стянуты чёрной резинкой; быстрые длинные пальцы умело выстукивают по клавишам кассового аппарата суммы, что сейчас посетители должны будут оставить в этом самом аппарате: двести рублей, триста рублей, сто восемьдесят... бумажные купюры шелестят, что твоя листва за окном, железные монеты вызванивают, будто колокольчики или бубенцы у русской тройки. Света вертится за стойкой весь день напролёт, как заведённая: «К кофе булочку?» — «Пожалуйста, булочку». — «Изволите sandwich?» — «Возьмите свой sandwich». Нет бы сказать: бутерброд! А то сэндвич — уходим от немецкого языка к английскому! Зёрна размалываются, пар со свистом вылетает, как у тепловоза, микроволновая печь жалобно пищит сигналом: «Я подогрела, пора доставать!» Волнующий запах кофе, сливок, тёплой булки плывёт по помещению кофейни и выплывает на оживлённую столичную улочку. Прохожие глотают слюни, кто-то просто поглядывает и проходит мимо, кто-то сдаётся и заходит внутрь. Толстые, тонкие, высокие, низкие,

мальчики, девочки, молодые, пожилые — через Свету проходит разнообразный контингент.

Светлану можно назвать графоманкой. Почему? Слова большинства перечисленного контингента режут слух работнице кофейни.

«Добрый день!» — говорит ей молодой человек в классическом деловом костюме, надетом на ослепительно-белую сорочку. Он нервно посматривает на часы: видимо, куда-то опаздывает. Однако утренняя чашка кофе — это ритуал, который отменить никак нельзя.

«Здравствуйте!» — слегка пригибает голову в аккуратном полупоклоне, демонстрируя при этом серебро на висках, мужчина средних лет. Он держит в руках фетровую шляпу с чуть загнутыми краями, прижимая её к груди. «Ещё мольберта не хватает ему — и будет как Рене Магритт», — думает, глядя на него, Светлана.

«Привет!» — поднимает правую руку и слегка помахивает открытой ладонью с вальяжно растопыренными пальцами, улыбаясь девушке, высокий загорелый мускулистый парень в спортивной майке «Чикаго Буллз» кровавого красного цвета и в таких же шортах. На молодёжном сленге про таких говорят: «он на спорте».

Каждый посетитель индивидуален, у каждого посетителя свои особенности — своя речь, свои привычки. На любой улице Москвы или Санкт-Петербурга из ста человек опрошенных девяносто девять ответят, что они являются уникальными личностями, и лишь один скажет: «Я такой же, как все». Так чем же режут слух нашей Светлане все эти уникальные люди? Всё-таки они умеют повторяться, да ещё в самых простых бытовых ситуациях.

После слов приветствия звучит следующее: «Будьте добры...» или «Будь добра...», — а дальше: «...одно кофе и одну булку!»

«Одно кофе! Какие неграмотные!» — возмущается кассир, естественно, скрывая все эти фразы у себя в голове. Ей, собственно, всё равно, как говорят люди. Она, возможно, уже и смирилась с тем, что горячий обжигающий напиток, зёрна для которого вызрели и были собраны где-нибудь на плантациях Южной Америки или Африки,

перекочевал из мужского в средний род. Такое по нашей жизни случается не только с зёрнами, но и подчас с людьми. Однако где-то в глубине души сидит маленький червячок, что гложет, возится и не даёт успокоиться Свете. «Опять! Какие неграмотные! — твердит он. — Кофе-то — мужского рода! Он мой!»

И вот где-то в середине дня, вместе с дуновением ветра, сквозь открывшуюся дверь кофейни, со звуками автомобильных моторов, трамвайных звонков и людского говора, будто вырвавшимся из западни, с волшебным позвякиванием китайской «музыки ветра», что аккуратно подвешена над входом то ли на удачу, то ли для того, чтобы отгонять злых духов, в помещение wpłyвает грузный мужчина. По виду и манерам он кавказец. На это указывает и внешность: тёмные волосы, вороные глаза и орлиный нос, одежда — кожаная куртка, надетая поверх серого вязаного свитера, чёрные брюки, лакированные тёмные коричневые туфли.

Мужчина неспешно, будто опасаясь расплескать живот или жидкость, в него налитую, словно гружёный танкер, швартуется к стойке, за которой находится Светлана. Он долго, с пристрастием, изучает кассира и затем проговаривает:

— Здравствуй, дэвушка.

Голос низкий, словно гудит рында того самого танкера. Для нашей героини это один из посетителей, количество которых только за описываемый день перевалило за несколько десятков. Поэтому простим Свете её небрежный кивок и автоматическое: «Здравствуйте. Чего желаете?» Посетитель, помедлив, на прозвучавшее из уст девушки ответное приветствие и вопрос с одышкой молвил:

— Буд добра... одын кофе...

«Здорово! Что-то новенькое, — проносится у девушки в голове. — Первый грамотный человек за этот день! Один кофе», — радуется про себя Светлана, радуется внутри тот самый червячок. Нет, ей не всё равно, как говорят люди! Кофе — он мой! «Кофе» — слово мужского рода! Кофе — он один! «Один кофе», — надо так говорить!

А кавказец продолжает:

—...и один булька.

— Сейчас сделаем,— расстроено принимается Светлана за свою работу.

ОШИБСЯ

На сороковом километре Московской кольцевой автомобильной дороги и на двадцать первом километре Калужского шоссе базируется комплекс зданий, составляющих торговый центр, занимающий огромную площадь, с магазинами «Икея», «Оби» и множеством других, меньших по своему размеру. Хотя нет, конечно, я забыл в перечисленный мной список торговых «тяжеловесов», расположенных в описываемом торговом центре, добавить ещё один — магазин «Ашан», французской торговой марки, но никак уже не французской направленности. Вот о нём и пойдёт речь в моём не столь продолжительном рассказе. Дальнейшее повествование принимает оборот по мотивам классической русской народной сказки, где «смерть Кощея находится в игле, игла в яйце, яйцо в гробу, гроб висит на дереве, а деревьяев там множество, и все в гробах».

Так вот, на входе в торговый зал данного магазина администрация организовала пункт быстрого питания, а проще говоря — кафе, в котором продаются пиццы с ветчиной и сыром, морепродуктами, охотничьими колбасками, томатами, слойки, булочки, чебуреки с говядиной, бараниной. Чего там только нет! Словом, пальчики оближешь. Можно часами стоять и наблюдать, как на подносах выносят, вывозят разные вкусности «с пылу с жару». Всё это великолепие доставляется с кухни в передвижных шкафах, оборудованных большим количеством полок, куда и ставятся подносы, на которых возлежат перечисленные мной яства. К передвижным шкафам снизу прикручены каучуковые колёсики, для того чтобы их было удобней транспортировать из кухни к торговому залу и обратно. Вокруг шкафов суетятся работники торгового зала и кухни, все в одинаковых фартуках красного цвета, белых сорочках, брюках, на головах надеты белые поварские шапочки.

На кассе кафе сегодня работает продавец — женщина среднего возраста, с чёрной копной волос, доходящих ей до плеч, с крупным, слегка крючковатым носом, с большими серыми глазами. Она внешностью напоминает поварёнка с кухонных картинок, весёлого такого, с обязательным черпаком под мышкой. Помогают ей в этом её полнота и всё тот же самый костюм работников зала и кухни кафе.

Поначалу внимание моё привлекла не еда, которая продаётся в кафе, и не продавец, а напитки. Точнее, бумажные стаканчики, в которых напитки подаются. На внешней стенке стаканчика большими яркими буквами на светлом фоне я разобрал слоган: «Моё кофе». Как вы уже поняли, мимо подобной надписи спокойно мне пройти не удалось. «Как же так? — думал я.— Безграмотность какая! А ведь через них ежедневно проходят несколько тысяч человек и всё это видят. А потом начинаются заявления, что „кофе“ — среднего рода! Слоган-ошибка!» — смело обозвал я у себя в голове представившееся моему взору словосочетание.

Как мне показалось, подобным образом думала и описанная мною выше женщина-продавец. Протягивая своими полными руками, одетыми в целлофановые перчатки, покупателю стаканчик с кофе, она с нажимом на первый слог фразы говорила: «Ваш кофе! Возьмите!»

— Правильно! Кофе — он мой! — поддержал я её, выкладывая на тарелку для мелочи нужную сумму для покупки чёрного, слегка обжигающего напитка.

Продавец смерила меня непонимающим взглядом, рутинно приготовила капучино и протянула стакан с традиционно-обыденным:

— Возьмите ваш кофе.

Ещё не понимая, что жестоко ошибся, я спокойно отошёл за столик. При ближайшем рассмотрении надписи вторая буква во втором слове слогана, нанесённого на стакан, имела такой маленький, такой неприметный, но всё же хвостик, превращающий строчную «о» в строчную «а», и вместе надпись звучала: «Моё кафе». Ну что ж, и на старуху бывает проруха. Виноват, исправлюсь!